

УДК 81'373.613

**ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА XIX ВЕКА:
ВЛИЯНИЕ ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛИЧНОСТИ
НА ФОРМИРОВАНИЕ НОРМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА)**

© Лариса Гордеева

**THE FRENCH LANGUAGE AND THE LITERARY NORM
IN THE NINETEENTH CENTURY: THE INFLUENCE OF THE BILINGUAL
PERSONALITY ON THE FORMATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE
STANDARDS (BASED ON A. S. PUSHKIN'S WORKS)**

Larisa Gordeeva

The vocabulary of the Russian language, like the other languages of the world, is in constant evolution, reacting to all changes in society with new words. A special place in changing the vocabulary of any language is given to the process of borrowing lexical units from other languages of the world. The transition of elements from one language to another is the result of language contacts and reflects the historical development of the country in diachrony. The time from the eighteenth to the nineteenth centuries was one of the most important periods in the history of the Russian literary language, characterized by an active process of borrowing foreign language units. The main source of borrowings was the French language, which modernized the literary norm of that period. We examine the influence of a bilingual personality on the formation of the Russian lexical norm, based on the texts of the founder of the modern Russian literary language A. S. Pushkin. The article considers the author's bilingualism as one of the means of mastering borrowed words in Russian. The analysis of the actual material reveals the functional importance of gallicisms in Pushkin's texts and allows us to trace the process of changes in the lexical norm.

Keywords: literary language, lexical and phraseological adaptation, calquing, gallicism, metaphysical language, bilingualism.

Словарный состав русского языка, как и других языков мира, находится в постоянной эволюции, реагируя на все изменения в обществе новыми словами. Особое место в изменении словарного состава любого языка отводится процессу заимствования лексических единиц из других языков мира. Переход элементов из одного языка в другой является результатом языковых контактов и отражает историческое развитие страны в диахронии. XVIII–XIX вв. – это один из важнейших периодов истории русского литературного языка, характеризующийся активным процессом заимствования иноязычных единиц. Главным источником заимствования в этот период является французский язык, который обновляет литературную норму указанного периода. На примере текстов основоположника современного русского литературного языка А. С. Пушкина исследуется влияние двуязычной личности на формирование лексической нормы в русском языке. В статье рассматривается билингвизм автора как одно из средств освоения заимствованных слов русским языком. Анализ фактического материала выявляет функциональную значимость галлицизмов в текстах произведений А. С. Пушкина и позволяет проследить процесс изменения лексической нормы.

Ключевые слова: литературный язык, лексическое и фразеологическое приспособление, калькирование, галлицизм, метафизический язык, билингвизм.

Как известно, нормы литературного языка – это устойчивые и динамически развивающиеся явления, которые подвергаются изменениям в процессе развития устной и письменной литературной речи в результате влияния на эту речь различных факторов языкового развития. Они меняются в зависимости от развития общества,

искусства, литературы; от влияния на литературную речь других языков, разговорной речи, местных говоров и т. д. и приводят к постоянному обновлению литературного языка и его норм. Процесс заимствования иноязычных единиц (как один из факторов языкового развития, влияющий на формирование нормы) – это непрерывный

процесс, который характеризует все временные этапы. При этом некоторые слова входят в лексическую систему русского языка, закрепляются в словарном составе, трансформируются и приспособляются к грамматическим и морфологическим нормам принимающего языка, другие, напротив, просуществовав некоторый отрезок времени, «уходят» из языка. В условиях хаотичного заимствования лексических единиц в настоящее время выявляется настоятельная потребность в систематизации процесса языковой миграции, выявлении закономерностей и типологических особенностей ассимиляции в предыдущие периоды, выражающиеся в формировании определенных моделей, что позволит спрогнозировать и современные результаты. Цель нашего исследования – изучение влияния двуязычной личности на формирование лексических норм в русском языке посредством использования значений заимствованного и принимающего языков; анализ индивидуально-авторских особенностей ассимиляции французских заимствований в первой трети XIX века. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения традиционного пласта русской лексической системы – французских заимствований – в важнейший период истории русского литературного языка. Между тем на формирование норм влияют две составляющие: это литературные нормы объективного характера, которые предлагает система языка, и закономерности их развития в речи, а также литературные нормы субъективного характера, которые устанавливаются общественной языковой практикой, обществом, людьми. Последние мы будем рассматривать на материале произведений создателя современного русского литературного языка, писателя, публициста, личности, свободно владеющей двумя языками, А. С. Пушкина.

Проблема языковых контактов и заимствований для русского языка XVIII–XIX вв. является одной из центральных историко-лексикологических проблем. К данному периоду относится начало внутреннего перемещения иноязычных слов в русском языке, происходит активное передвижение иноязычных слов из специальных терминологических сфер в общее употребление. Характерной особенностью ассимиляции заимствованных слов в России XVIII в. «является переход от многоконтakтности к постепенному ограничению активных языковых отношений сферой двух языков – французского и немецкого: они являются главными источниками заимствований и языками-посредниками» [Биржакова, с. 176]. С 60-х годов возрастает роль французского языка и происходит ослабление процесса заимствования

языковых единиц из других языков. Процесс европеизации русского дворянства приводит во второй половине XVIII века к распространению французского языка в «лучших обществах» и образованию разговорно-бытовых и литературных стилей дворянского языка на русско-французской основе. Изменения затрагивают все сферы культурной и политической жизни страны. В сфере образования обучение французскому языку обязательно входит в программу учебных заведений, учебники и программы 30-х годов были написаны на французском и немецком языках, речи для публичных актов также, доклады для академических конференций – на латыни. В изобразительном искусстве и архитектуре в начале второй половины XVIII века также работают, главным образом, иноземные мастера. В годы правления Елизаветы Петровны из Франции приезжают художники Жан Луи де Велли, Жак-Жак Лагрене, Жан Луи Токе, при Екатерине II – Этьен Морис Фальконе, Иоганн Барду, Габриэль-Франсуа Дуайен. В связи с организацией Академии художеств в 1757 г. были приглашены французские мастера: живописец Луи-Жозеф Ле-Лоррен, рисовальщик Жан Мишель Моро, архитектор Валлен- Деламот Жан Батист Мишель, скульптор Николя-Франсуа Жилле. После французской революции в Петербург хлынула новая волна французских живописцев. В литературе заметное место среди переводов времен Петра I занимает французская книга; в 30-е годы XVIII века произведения литературы, переведенные с французского языка, как будто сокращаются, но зато к этой поре относятся образцы собственно художественных текстов (А. Кантемир, В. Тредиаковский). Среди переводов с французского языка отмечаются профессионально-техническое руководство, книги по военной истории, политике, коммерции, праву; в области художественной литературы – первые переводы европейских романов (Франсуа Фенелон), нравственно-дидактическая проза, сатира (Николя Буало-Депреа), политический памфлет. Виднейшие переводчики с французского языка петровской поры – Б. Волков, И. Зотов, П. Постников, В. Суворов, А. Кантемир, В. Тредиаковский. В середине века также преобладает литература, переведенная с французского языка, причем процентное соотношение французской книги в 60-е годы увеличивается (во времена царствования Елизаветы переводы с французского составляли 34,3% по отношению ко всем переводным книгам, а в последнее десятилетие XVIII века – их 55,1%, то есть больше половины всех переводов). Количество переводов с французского языка почти вдвое превышает количество переводов с немецкого и в 5 раз –

переводов с латинского, причем наибольшее число переводов с французского относится к 1779–1794 гг. Французский язык – и наиболее обычный посредник при переводе с других языков: с французского чаще всего переводятся произведения английских авторов (92 издания за весь период), а также немецких (21), итальянских (7), испанских (4) и некоторых других. В целом переводы с французского языка составляют почти половину (47%) всей переводной продукции 70-90-х гг. XVIII века. В развитии литературной речи также происходят значительные изменения. В. В. Виноградов указывает на два направления, которые противостоят одна другой в течение XVIII века, – это, с одной стороны, церковно-славянское, византийско-болгарское направление, с другой – западно-европейское, романо-германское, по преимуществу французское направление [Виноградов, 1941, с. 5]. Первое направление, как отмечает В. В. Виноградов, культура церковно-книжной речи, поддерживается в националистических сферах бюрократии и обедневшей знати, в кругах провинциального дворянства и средней буржуазии. Оно опирается на научную прозу, церковно-богословскую литературу, канцелярскую письменность и высокую поэзию. Другое направление, связанное с культурой французского языка и европеизированной русской речью, было присуще провинциальному дворянству и разночинной интеллигенции. Западноевропейское направление было разнообразнее в устном языке высших классов. В письмах оно перерабатывается в формы литературного языка [Виноградов, 1982, с. 168]

Вместе с тем проблема языковых контактов состоит не только в процессе адаптации иноязычных слов, но и представляет собой совокупность целого ряда социальных проблем, психологических и лингвистических. Центральное место в ней занимает вопрос о двуязычии, его формах и его последствиях для двуязычной общности. «Билингвизм – сосуществование двух языков в рамках одного и того же речевого коллектива, использующего эти языки в соответствующих коммуникативных сферах, в зависимости от социальной структуры и других параметров коммуникативного акта. <...> Оба языка, обслуживая единый речевой коллектив, образуют единую социально-коммуникативную систему и находятся в отношении дополнительности друг к другу» [Швейцер, с. 184–185]. Исследование иноязычных слов и заимствованной лексики в языке писателя предполагает анализ социолингвистической характеристики эпохи, в которой он живёт, а также творческой индивидуальности самого писателя. Поэтому индивидуальный билин-

гвизм А. С. Пушкина представляет интерес как реализация билингвизма социального. «Чистота» двуязычия, то есть отсутствие проникновения элементов одного языка в другой при речевом акте, – явление относительное, имеет место языковое «взаимопроникновение». Элементы «чужого» попадают в речевое употребление в связи с тем, что пришли новые вещи и новые понятия с их названиями. Степень влияния иного языка (или иных языков) на национальный язык, особенно на литературный, в условиях такого группового двуязычия может быть очень существенной. А. С. Пушкин пишет: «Вот уже, слава богу, лет тридцать, как бранят нас бедных за то, что мы по-русски не читаем и не умеем (будто бы) изъясняться на отечественном языке. Дело в том, что мы и рады бы читать по-русски; но словесность наша, кажется, не старше Ломоносова и чрезвычайно ещё ограничена. Мы принуждены все, известия и понятия, черпать из книг иностранных, таким образом и мыслим» [Пушкин, 1986, с. 45]. Предпочтение французскому языку в России в первой трети XIX века обуславливается едиными социальными нормами и ценностями, связанными в большей мере с изменениями в светском обществе: французский язык становится официальным языком придворно-аристократических кругов, языком светских дворянских салонов и вносит значительные изменения в формирование русского литературного языка. Борьба за национальные основы русской речи выдвигает задачу создания «светских» стилей литературного языка. Общеизвестно, что в языке А. С. Пушкина отражается вся история русского литературного языка первой трети XIX века. Вместе с тем язык Пушкина определяет во многих направлениях пути последующего развития стилей русского литературного языка. Именно А. С. Пушкину принадлежит попытка сочетать дворянскую языковую культуру с теми элементами русского национально-языкового творчества, которые расцениваются как «общенародные», как характерные для русской нации в целом. Тогда как для предшествующего поколения русских «европейцев» (карамзинистов) в центре языковой проблемы стоит вопрос об ограничении состава и форм русского литературного языка и о приближении его к изысканной устной речи дворянского салона. Образ дамы-читательницы определяет стилистическое построение и идейное содержание светского стиля. Язык А. С. Пушкина до конца 10-х – начала 20-х гг. также движется в направлении карамзинистов. Особенности пушкинского слога проявляются в близости к английскому и французскому синтаксису, когда как норма используется следующий

принцип: определяющее впереди определяемого, подлежащее перед сказуемым, дополнение в постпозиции к глаголу.

Гораздо более изменчивы, как отмечает В. В. Виноградов, были в пушкинском языке принципы лексического и фразеологического приспособления русского литературного языка к «европейскому мышлению» [Виноградов, 1935, с. 72]. От метода копирования европейской фразеологии, характерного для стиля карамзинистов, А. С. Пушкин отказывается уже в начале 20-х гг. Он протестует против буквальности перевода, против калькирования французских или немецких слов и признаёт целесообразным употребление заимствованных слов, если они обозначают предметы или понятия, для которых нет подходящего выражения в самом русском языке. Отвлечённые понятия, выработанные «европейским мышлением», которые ещё не находят точного выражения в системе значений, свойственных русскому языку, кажутся Пушкину семантически неточными, и он в скобках поясняет их значение. Так, В. Виноградов приводит такой пример: «Желая в повести „Барышня-крестьянка“ точнее обозначить смысл слова *самобытность*, А. С. Пушкин ставит в скобках *individualite*. Таким образом, семантическая система русского языка приспособляется к выражению европейского мышления» [Там же, с. 265]. Оценивая и определяя значение слова, Пушкин почти всегда прибегает к сопоставлению с французским языком. Отсюда у него нередки пояснения значений русских слов французскими. Как к одному из способов ассимиляции иноязычного слова Пушкин прибегает не только к сопровождению галлицизма «однословом» (термин Л. Л. Кутиной) (см. выше – *individualite*), но и к текстовому сопроводителю новых заимствованных слов. Рассмотрим на примере следующего текста: «Послушайте, как пишет он этому самому Шувалову, представителю муз, высокому своему *патрону*... *Patronage* (покровительство) до сей поры сохраняется в обычаях английской литературы» [Пушкин, т. 5, с. 219]. Здесь для пояснения галлицизма используется неассимилированная лексема – *patronage*. Обратимся к семантической истории этого слова: этимологические исследования показывают, что значение слова *патрон* как «покровитель» введено при Петре I [Фасмер, т. 3, с. 217]. Однако, несмотря на раннюю фиксацию заимствования, данную сему еще долгое время не включали в словари. В Словаре Академии Российской (далее – САР) в 1822 г. галлицизм *патрон* – моносемант, отмечается лишь одно значение слова – «заряд из пороха» [САР, 1822, с. 82]. Уже после употребления его у

А. С. Пушкина, в 1847 г. в Словаре церковнославянского и русского языка (далее – СЦРЯ) появляется анализируемая сема «покровитель, заступник» среди других значений [СЦРЯ, с. 163]. Таким образом, писатель фиксирует новое значение галлицизма, которое впоследствии закрепляется в лексикографических источниках. В данном случае мы можем также наблюдать «смыслообразовательную» цепочку: от единичного *патрон* (покровитель) до общего социального явления *patronage* (покровительство). Введением нетранслитерированного элемента *patronage* А. С. Пушкин обращает внимание читателей на сам процесс покровительства. Так, Пушкин не только употребляет французское заимствование в своих произведениях, но и дает пояснение к новому слову.

Кроме развернутого пояснения галлицизма, автор также использует другой метод ассимиляции: вводит иноязычное слово в денотативный ряд. Таким способом писатель помогает новому слову подключиться к определенному участку русской лексико-семантической системы, к определенному ряду слов, выражающих сходные понятия. Например: «Ждали от нее поминутно *bon-mot*; наконец вырвалось у нее *двусмыслие*, и даже довольно смелое... Гости встали из-за стола, совершенно примиренные с *m-me Staël*: она сказала *каламбур*, который они поскакали развозить по городу» [Пушкин, т. 3, с. 307]. В указанном отрывке встречается последовательное объяснение галлицизма *каламбур* от французского *bon-mot* до русского *двусмыслия*. Прототипом галлицизма *каламбур* является французский *calembour*, который имеет значение «игра слов» [Фасмер, т. 2, с. 164]. Пояснение, которое вводит А. С. Пушкин: *bon-mot* («острое словечко») – *двусмыслие* – *каламбур* – предполагает постепенную адаптацию данного слова, а французо-русская синонимия делает его понятным для любой читательской аудитории.

Знание двух языков может приводить к созданию нового языка, смешанного, языка «двух терминов», или способствовать расширению значения галлицизма посредством неосознанного употребления значения лексемы-источника. Например, слово *портрет* относится к ранним заимствованиям, его отмечает М. Фасмер среди иностранных слов, вошедших в русский язык в петровскую эпоху: «Портрет ... 1724 г. (Смирнов 233) ... (часто около 1700 г.; ...) ... из франц. *portrait*» [Фасмер, т. 3, с. 335]. В русских лексикографических источниках конца XVIII века лексема фигурирует как однозначная: «Портрет – см. Изображение» [САР, ч. 4, с. 1001]; «Портрет

(образ, лицо)» [Российский, с немецким и французским переводом словарь..., с. 602]. В словарных статьях речь идет о передаче лексического значения французского этимона *portrait* – ‘лицо’, образованного в XII веке [Dauzat, с. 576]. К концу XVIII века во французском языке складывается три значения: «1. Портрет, изображение, похожее на лицо человека, представленное посредством кисти, резца. 2. Говорят о детях, похожих на родителей. 3. Описание внешности человека» [Dictionnaire de l'academie française, с. 278]. Как видим, во французском языке используется переносное значение «описание». Однако русские лексикографические справочники в начале и в конце XIX века продолжают фиксировать только одно значение галлицизма: «*Портрет*, фр. Изображение, начертание, подобие, образ, вид лица человека, представленный посредством живописного искусства» [Яновский, с. 400]; «*Портрет* – Изображение лица карандашом, пером, тушью, красками или посредством дагерротипа» [СЦРЯ, с. 376] и «Живописное или фотографическое изображение какой-либо особы» [Бурдон, с. 444]. Ю. С. Сорокин датирует случаи употребления слова в переносном значении пушкинским периодом и второй половиной XIX века [Сорокин, с. 451–452]. Приведём пример: *Какой-то генерал просит со мною увидеться: милости просим; входит ко мне человек лет 35-ти, смуглый, черноволосый в усах, в бороде, суций портрет Кульнева...* [Пушкин, т. 3, с. 191]. Реализация в словарных статьях русского языка одного значения галлицизма *портрет* на протяжении всего XIX века позволяет утверждать об отсутствии в русском языке переносного значения. При этом Пушкин активно использует сему галлицизма «описание внешности» в русском языке. Таким образом, неосознанное употребление значения слова языка-источника приводит к появлению в принимающем языке нового лексического значения галлицизма.

В то же время А. С. Пушкин вносит существенные ограничения в нормы смешения русского и французского языков. Так, например, национальное освоение элементов французской семантики достигается А. С. Пушкиным посредством вовлечения в структуру литературного языка таких слов и выражений из разных стилей национально-бытового просторечия и «простонародного» языка, которые в дворянской традиции салонных стилей, утверждённых Карамзиным и его последователями, расцениваются как «низкие» и «простонародные». Однако в сфере отвлечённых понятий А. С. Пушкин, напротив, признает образцом французский язык. В статье «О причинах, замедливших ход нашей словесности» автор пи-

шет: «...просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но учёность, политика и философия ещё по-русски не изъяснялись – метафизического языка у нас вовсе не существует...» [Пушкин, 1988, с. 53]. Для А. С. Пушкина как билингва важна смысловая ассимиляция «европеизмов» в русской национально-бытовой сфере значений и принцип соответствия заимствованных европейских понятий и форм их выражения национальным стилям речи. Так, у Пушкина можно наблюдать ограничение заимствований, поиск соответствующих выражений в формах церковно-славянской речи и общественно-бытовом просторечии. Принципы А. С. Пушкина и его взгляды на заимствованную лексику в формировании русского литературного языка претворяются в его языке: строгий отбор «галлицизмов» в зависимости от их согласия с русской национально-языковой структурой лексики и семантики.

В. В. Виноградов пишет, что «понятие „хорошего общества“ (*bonne société*) выдвинуто А. С. Пушкиным как норма, определяющая границы и строй литературного языка» [Виноградов, 1935, с. 265]. Оно было той социальной категорией высшего света, к которой апеллировали в своих реформах дворяне-европейцы, и оно не противоречило языковым вкусам и тенденциям как дворянства, так и буржуазии, и было пригодным для создания синтетической системы литературного языка. Литературное творчество А. С. Пушкина имеет своей задачей создание новой системы литературного языка на основе синтеза дворянско-европейской культуры с церковно-книжной традицией и стилями национально-бытового просторечия. Однако В. В. Виноградов в пушкинском языке отмечает следующие противоречия: реставрационный уклон в сторону церковно-славянского языка; «средний класс» в сфере национально-литературной речи может опираться на разговорно-бытовые стили города [Там же, с. 71]. В то же время эти противоречия обуславливают следующие изменения в дворянской культуре речи: в языке критики и публицистики 20–30-х гг. всё чаще отмечается появление новых иноязычных слов и терминов, что находит отражение в журналистике 30–40-х годов. В ряде статей и рецензий В. Г. Белинский, сопоставляя словарный состав русского и французского языков, подчёркивает лексическое богатство русского, разнообразие в нём слов конкретного значения, обозначающих предметы и явления природы, народного быта, обилие синонимов. Однако в то же время соглашается с высказыванием

А. С. Пушкина о недостаточности для русского языка XVIII–XIX вв. лексических средств отвлечённых понятий, о бедности «метафизического языка», специальной научной терминологии, слов, выражающих явления общественно-идеологического и психологического характера [Белинский].

В XVIII–XIX вв. заимствования занимают более одной трети всего объёма новых слов русского литературного языка. Количество иноязычных слов, пришедших в русский язык в XVIII веке, составляет около 8500 единиц. На русской почве заимствованные слова образуют ряды дериватов. Количество дериватов от иноязычных основ – одна из существенных характеристик глубины и органичности процесса освоения иноязычных новаций. Число дериватов от слов, заимствованных в XVIII веке, составляет около 3000 единиц. Остальные две трети (примерно) – это собственно лексические новообразования или результат ассимиляции в литературном языке слов разговорно-просторечного, диалектного и профессионально-жаргонного источника.

В конце XVIII – начале XIX вв. продолжается отбор элементов словарного состава русского литературного языка, освоение заимствований, калькирование, создание новых русских слов. В первой четверти XIX века устанавливается следующее соотношение различных лексических пластов в литературном языке, которое наглядно представлено в произведениях А. С. Пушкина, где элементы французского языка можно наблюдать практически во всех функциональных сферах: 1. Государство. Политика. Дипломатия. Администрация. Юстиция. Промышленность. Теология. Экономика – 23,6%. 2. Искусство. Культура – 14%. 3. Общественный и частный быт – 23,8%. 4. Личностные качества. Этические нормы. Телодвижения человека – 5,3%. 5. Военное дело и война – 17,7%. 6. Наука. Человек в научном освещении – 6%. 7. Образование. Воспитание – 3,8%. 8. Строительное дело. Транспорт. Дороги – 5,7%. Смешение элементов русского и французского языков в языке писателя-билингва приводит: 1) к использованию слов, которые не зафиксированы в лексикографических источниках в рассматриваемый период, таких как галлицизм *презент* – ‘подарок’, экзотизм *кантонир* – ‘округ’ и др.; 2) к функционированию значений, отсутствующих в лексикографических изданиях в русском языке (*патрон* – «покровитель» и др.); 3) к адаптивному переносу значений, обнаруженных автором в языке-источнике: *портрет* – «описание внешности», *комедия* – «история, содержащая смешное», *роль* – «изображать кого-

нибудь», «быть кем-то» и др. При этом неассимилированная французская лексика у А. С. Пушкина часто выполняет поясняющую функцию (*самобытность* – *individualite*, *патрон* – *patronage*, *гардемарин* – *aspirants*, *куранты* – *nouvelles courants*, *каламбур* – *bon-mot*).

Таким образом, частные изменения, которые вносит носитель языка в общий процесс адаптации заимствованных слов, способствуют активному овладению семантическим комплексом нового слова, образованию новых значений уже в принимающем языке и, как следствие, формированию новых лексических норм. Слово быстрее обрастает «новыми связями», активно участвует в различных конструкциях, помогает в выражении художественных задач автора, образует синонимичные ряды. Активное использование заимствованной лексики в различных жанрах произведений А. С. Пушкина способствует также и овладению новыми значениями не только представителями дворянского сословия, но и каждым носителем языка определенной эпохи.

Список литературы

- Биржакова Е. Э.* Очерки по исторической лексикологии XVIII в. Языковые контакты и заимствования / Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Л.: Наука, 1972. 428 с.
- Белинский В.Г.* Собрание сочинений в трех томах / Под общей редакцией Ф. М. Головенченко. Том III. Статьи и рецензии 1843–1848, М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1948. 925 с.
- Бурдон И. Ф.* Словотолкователь 32000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка с означением их корней: в 2 ч. / И. Ф. Бурдон, А. Р. Михельсон. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1875, Ч.2. С. 329–606.
- Виноградов В.В.* Стиль Пушкина. М.: Художественная литература, 1941. 620 с.
- Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982. 529 с.
- Виноградов В. В.* Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М. - Л.: ACADEMIA, 1935. 460 с.
- Пушкин А. С.* Мысли о литературе / А. С. Пушкин. Вступ. статья М. П. Еремина, примеч. М. П. Еремина и П. М. Еремина. М.: Современник, 1988. 639 с.
- Пушкин А. С.* Письма к жене. Л.: Наука, 1986. 360 с.
- Пушкин А.С.* Сочинения: в 3 т. М.: Гос. изд-во худож. Литературы. 1954. Т.3. 619 с.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 6 т. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1950. Т.5. Критика и публицистика, автобиографическое. 680 с.
- Российский, с немецким и французским переводом словарь, сочиненный Иваном Нордстетом: в 2 ч. СПб., 1782. Ч.2. С. 435–888.

Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1789 – 1794, Часть IV – 1793. 1272 стб.

Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: При Имп. Акад. Наук. Ч. IV. 1822. 1536 стб.

Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. Т. III. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1847. 490 с.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90-е годы XIX века. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс. Т.2. 1986. 672 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс. Т.3. 1987. 832 с.

Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М.: Наука, 1983. 216 с.

Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в русском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значения которых не всякому известно: в 3 ч. СПб., при Императорской Академии наук, 1803–1806. Ч.3. 1322 стб.

Dauzat A. Dictionnaire etymologique de la langue française. Paris, 1961. 824 с.

Dictionnaire de l'academie française. Lyon: Т. 2. 1777. 700с.

References

Birzhakova, E. E. (1972). *Ocherki po istoricheskoi leksikologii XVIII v. Iazykovye kontakty i zaimstvovaniia* [Essays on Historical Lexicology of the 18th Century. Language Contacts and Borrowings]. 428 p. E. E. Birzhakova, L. A. Voinova, L. L. Kutina. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Belinskii, V. G. (1948). *Sobranie sochinenii v trekh tomakh* [Collected Works in Three Volumes]. Tom III. Stat'i i retsenzii 1843–1848. 925 p. Moscow, OGIZ, GIKhL. (In Russian)

Burdon, I. F. (1875). *Slovotolkovatel' 32000 inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo iazyka s oznacheniem ikh kornei: v 2 ch.* [Word Expositor of 32000 Foreign Words that Are Part of the Russian Language with the Meanings of Their Stems: In Two Parts]. 606 p. I. F. Burdon, A. R. Mikhel'son. 4-e izd., ispr. i dop. Ch. 2. Pp. 329–606. St. Petersburg. (In Russian)

Dauzat, A. (1961). *Dictionnaire etymologique de la langue française* [Etymological Dictionary of the French Language]. 824 p. Paris. (In French)

Dictionnaire de l'academie française (1777). [Dictionary of Academic French]. Т. 2, 700 p. Lyon. (In French)

Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: In Four Volumes]. Т.2, 672 p. Moscow, Progress. (In Russian)

Fasmer, M. (1987). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: In Four Volumes]. Т. 3832 p. Moscow, Progress. (In Russian)

Ianovskii, N. M. (1806). *Novyi slovotolkovatel', raspolozhennyi po alfavitu, sodержashchii raznye v rossiiskom iazyke vstrechaiushchiesia inostrannye recheniia i tekhnicheskie terminy, znachenii kotorykh ne vsiakomu izvestno: v 3 ch.* [New Word Expositor, Arranged in Alphabetical Order, Containing Various Russian Expressions and Technical Terms, the Meanings of Which Are Not Known to Everyone: In Three Parts]. Ch.3. 1322 stb. St. Petersburg, pri Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)

Pushkin, A. S. (1988). *Mysli o literature* [Thoughts about Literature]. 639 p. Moscow, Sovremennik. (In Russian)

Pushkin, A. S. (1986). *Pis'ma k zhene* [Letters to My Wife]. 360 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Pushkin, A. S. (1954). *Sochineniia: v 3 t.* [Works: In Three Volumes]. Т. 3. 619 p. Moscow, Gos. izd-vo khudozh. literatury. (In Russian)

Pushkin, A. S. (1950). *Polnoe sobranie sochinenii v 6 t.* [Complete Works in Six Volumes]. Т. 5. Kritika i publitsistika. 680 p. Moscow, Gos. izd-vo khudozh. literatury., avtobiograficheskoe. (In Russian)

Rossiiskii, s nemetskim i frantsuzskim perevodom slovar', sochinennyi Ivanom Nordstetom: v 2 ch. (1782). [Russian Dictionary with German and French Translations, Compiled by Ivan Nordstet: In Two Parts]. Ch. 2, pp. 435–888. St. Petersburg. (In Russian)

Slovar' Akademii Rossiiskoi: v 6 ch. (1793). [Dictionary of the Russian Academy: In Six Volumes]. Ch. IV, 1272 stb. St. Petersburg, pri Imp. Akaд. Nauk. (In Russian)

Slovar' Akademii Rossiiskoi: v 6 ch. (1822). [Dictionary of the Russian Academy: In Six Volumes]. Ch. IV, 1536 stb. St. Petersburg, pri Imp. Akaд. Nauk. (In Russian)

Slovar' tserkovno-slavianskogo i russkogo iazyka: v 4 t. (1847). [Dictionary of the Church Slavonic and Russian languages: In Four Volumes]. Vol. III, 490 p. St. Petersburg, pri Imp. Akaд. Nauk. (In Russian)

Sorokin, Iu. S. (1965). *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo iazyka: 30 – 90-e gody XIX veka* [Development of the Russian Literary Language Vocabulary: the 1830s – 1890s]. 565 p. Moscow, Leningrad, Nauka. (In Russian)

Shveitser, A. D. (1983). *Sotsial'naia differentsiatsiia angliiskogo iazyka v SShA* [Social Differentiation of the English Language in the USA]. 216 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1941). *Stil' Pushkina* [Pushkin's Style]. 620 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1982). *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka XVII–XIX vekov* [Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–19th Centuries]. 529 p. Moscow, Vysshiaia shkola. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1935). *Iazyk Pushkina. Pushkin i istoriia russkogo literaturnogo iazyka* [Language of Pushkin. Pushkin and the History of the Russian Literary Language]. 460 p. Moscow - Leningrad, ACADEMIA. (In Russian)

The article was submitted on 17.01.2018
Поступила в редакцию 17.01.2018

Гордеева Лариса Павловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
lp-gordeeva@mail.ru

Gordeeva Larisa Pavlovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
lp-gordeeva@mail.ru